<u>Прочитайте феерию «Алые паруса» полностью.</u>

Подумайте над следующими вопросами (Учебник, часть 2, стр.131)

- **Найдите в 1 и 3 главах описание портрета Ассоль. Что изменилось? Что осталось прежним?**
- **Какие поступки Грея могут доказать, что это человек с «живой душой»?**
- **С какой целью в описании спящей Ассоль используются слова «картина», «художественное полотно»?**

Вспомните следующие эпизоды

1. Эта живость, эта совершенная извращенность мальчика начала сказываться на восьмом году его жизни; **тип рыцаря причудливых впечатлений, искателя л чудотворца, т. е. человека, взявшего из бесчисленного разнообразия ролей жизни самую опасную и трогательную — роль провидения**, намечался в Грэе еще тогда, когда, приставив к стеке стул, чтобы достать **<u>картину</u>**, изображавшую распятие, он вынул гвозди из окровавленных рук Христа, т. е. попросту замазал их голубой краской, похищенной у маляра. В таком виде он находил картину более сносной. Увлеченный своеобразным занятием, он начал уже замазывать и ноги распятого, но был застигнут отцом. Старик снял мальчика со стула за уши и спросил:
— Зачем ты испортил картину?
— Я не испортил.
— Это работа знаменитого художника.
— Мне все равно, — сказал Грэй. — Я не могу допустить, чтобы при мне торчали из рук гвозди и текла кровь, Я этого не хочу.
В ответе сына Лионель Грэй, скрыв под усами улыбку, узнал себя и не наложил наказания.

2. Обернувшись к выходу, Грэй увидел над дверью огромную **<u>картину</u>**, сразу содержанием своим наполнившую душное оцепенение библиотеки. Картина изображала корабль, вздымающийся на гребень морского вала. Струи пены стекали по его склону. Он был изображен в последнем моменте взлета. Корабль шел прямо на зрителя. Высоко поднявшийся бугшприт заслонял основание мачт. Гребень вала, распластанный корабельным килем, напоминал крылья гигантской птицы. Пена неслась в воздух. Паруса, туманно видимые из-за бакборта и выше бугшприта, полные неистовой силы шторма, валились всей громадой назад, чтобы, перейдя вал, выпрямиться, а затем, склоняясь над бездной, мчать судно к новым лавинам. Разорванные облака низко трепетали над океаном. Тусклый свет обреченно боролся с надвигающейся тьмой ночи. Но всего замечательнее была в этой картине фигура человека, стоящего на баке спиной к зрителю. Она выражала все положение, даже характер момента. Поза человека (он расставил ноги, взмахнув руками) ничего собственно не говорила о том, чем он занят, но заставляла предполагать крайнюю напряженность внимания, обращенного к чему-то на палубе, невидимой зрителю. Завернутые полы его кафтана трепались ветром; белая коса и черная шпага вытянуто рвались в воздух; богатство костюма выказывало в нем капитана, танцующее положение тела — взмах вала; без шляпы, он был, видимо, поглощен опасным моментом и кричал — но что? Видел ли он, как валится за борт человек, приказывал ли повернуть на другой галс или, заглушая ветер, звал боцмана? Не мысли, но **тени этих мыслей выросли в душе Грэя**, пока он смотрел картину. Вдруг показалось ему, что слева подошел, став рядом, неизвестный невидимый; стоило повернуть голову, как причудливое ощущение исчезло бы без следа. Грэй знал это. Но он **не погасил воображени**я, а прислушался. Беззвучный голос выкрикнул несколько отрывистых фраз, непонятных, как малайский язык; раздался шум как бы долгих обвалов; эхо и мрачный ветер наполнили библиотеку. Все это Грэй **слышал внутри себя**. Он осмотрелся: мгновенно вставшая тишина рассеяла звучную паутину фантазии; связь с бурей исчезла.
Грэй несколько раз приходил смотреть эту картину. Она стала для него тем **нужным словом в беседе души с жизнью, без которого трудно понять себя**. В маленьком мальчике постепенно укладывалось огромное море. Он сжился с ним, роясь в библиотеке, выискивая и жадно читая те книги, за золотой дверью которых открывалось синее сияние океана. Там, сея за кормой пену,

двигались корабли. Часть их теряла паруса, мачты и, захлебываясь волной, опускалась в тьму пучин, где мелькают фосфорические глаза рыб. Другие, схваченные бурунами, бились о рифы; утихающее волнение грозно шатало корпус; обезлюдевший корабль с порванными снастями переживал долгую агонию, пока новый шторм не разносил его в щепки. Третьи благополучно грузились в одном порту и выгружались в другом; экипаж, сидя за трактирным столом, воспевал плавание и любовно пил водку. Были там еще корабли-пираты, с черным флагом и страшной, размахивающей ножами командой; корабли-призраки, сияющие мертвенным светом синего озарения; военные корабли с солдатами, пушками и музыкой; корабли научных экспедиций, высматривающие вулканы, растения и животных; корабли с мрачной тайной и бунтами; корабли открытий и корабли приключений.
В этом мире, естественно, возвышалась над всем фигура **капитана. Он был судьбой, душой и разумом корабля**. Его характер определял досуги и работу команды. Сама команда подбиралась им лично и во многом отвечала его наклонностям. Он знал привычки и семейные дела каждого человека. Он обладал в глазах подчиненных магическим знанием, благодаря которому уверенно шел, скажем, из Лиссабона в Шанхай, по необозримым пространствам. Он отражал бурю противодействием системы сложных усилий, убивая панику короткими приказаниями; плавал и останавливался, где хотел; распоряжался отплытием и нагрузкой, ремонтом и отдыхом; большую и разумнейшую власть в живом деле, полном непрерывного движения, трудно было представить. **Эта власть замкнутостью и полнотой равнялась власти Орфея.**
Такое представление о капитане, такой образ и такая истинная действительность его положения заняли, по праву душевных событий, главное место в **блистающем сознании** Грэя.

3. Быть может, при других обстоятельствах эта девушка была бы замечена им только глазами, но тут он иначе увидел ее. **Все стронулось, все усмехнулось в нем**. Разумеется, он не знал ни ее, ни ее имени, ни, тем более, почему она уснула на берегу, но был этим очень доволен. **Он любил <u>картины</u> без объяснений и подписей. Впечатление такой картины несравненно сильнее; ее содержание, не связанное словами, становится безграничным, утверждая все догадки и мысли.**
Тень листвы подобралась ближе к стволам, а Грэй все еще сидел в той же малоудобной позе. Все спало на девушке: спали темные волосы, спало платье и складки платья; даже трава поблизости ее тела, казалось, задремала в силу сочувствия. Когда впечатление стало полным, Грэй вошел в его теплую подмывающую волну и уплыл с ней. Давно уже Летика кричал: — «Капитан, где вы?» — но капитан не слышал его.
Когда он наконец встал, склонность к необычайному застала его врасплох с решимостью и вдохновением раздраженной женщины. Задумчиво уступая ей, он снял с пальца старинное дорогое кольцо, не без основания размышляя, что, может быть, **этим подсказывает жизни нечто существенное, подобно орфографии.** Он бережно опустил кольцо на малый мизинец, белевший из-под затылка. Мизинец нетерпеливо двинулся и поник. Взглянув еще раз на это отдыхающее лицо, Грэй повернулся и увидел в кустах высоко поднятые брови матроса. Летика, разинув рот, смотрел на занятия Грэя с таким удивлением, с каким, верно, смотрел Иона на пасть своего меблированного кита.
— А, это ты, Летика! — сказал Грэй. — Посмотри-ка на нее. Что, хороша?
— **<u>Дивное художественное полотно!</u>** — шепотом закричал матрос, любивший книжные выражения.

- **Почему Грей и Ассоль, ещё не встретившись, узнали друг друга? Что общего между ними? Как эта общность показана в эпизоде выбора шёлка?**

<u>Письменно ответьте на вопрос 16</u>: «Зачем нужна человеку мечта? Что будет, если отнять у человека способность мечтать? Обязательно ли стремиться к морю, чтобы научиться мечтать и поверить в чудо?» Отвечая на этот вопрос, опирайтесь на ваши размышления над предыдущими вопросами, так у вас получится <u>доказать свою мысль текстом произведения А. Грина.</u>

АЛЛЕГОРИЯ	СИМВОЛ
от греч. allos - иной и agoreuo - говорю	от греч. symbolon - знак, опознавательная примета
- вид иносказания: **изображение** абстрактного **понятия или явления через <u>конкретный</u> образ.** Аллегория состоит из двух элементов: 1) смыслового - это какое-либо понятие или явление (мудрость, хитрость, доброта, глупость, смелость и др.), которое стремится изобразить автор, не называя его; 2) образно-предметного - это **конкретный предмет, существо, изображенные в художественном произведении** и представляющие названное понятие или явление. Так, в баснях, сказках трусость часто воплощается в образе Зайца, хитрость - Лисы и т. п.	- особый художественный образ-знак. Символ имеет не одно или несколько, а **<u>неисчерпаемое множество значений</u>** и обладает необыкновенной смысловой емкостью. Символ не рассчитан на постижение разумом или сознанием, а стремится вызвать ассоциации, эмоционально воздействовать на воспринимающего (читающего, слушающего, смотрящего и т. п.), **"внушить" определенное впечатление, настроение, состояние и тем самым заставить увидеть в предмете или явлении их глубинную, скрытую сущность**. Художественная задача символа - влияя на чувства, воображение, эмоции, пробудить готовность воспринять идеальные (нематериальные) понятия, а не объяснить их логически; дать некий намёк, указание на существование у изображаемого сокровенного смысла

Словарь литературоведческих терминов. 2012

Перечитайте внимательно фрагменты текста. Меняются ли ваши ассоциации и впечатления от фрагмента к фрагменту? Как вы думаете, зачем во втором отрывке появляется комически изображённый торговец? Докажите, что образ алых парусов в феерии А. Грина многозначен.

1. Одна такая новинка была миниатюрной гоночной яхтой; белое суденышко это несло алые паруса, сделанные из обрезков шелка, употреблявшегося Лонгреном для оклейки пароходных кают — игрушек богатого покупателя. Здесь, видимо, сделав яхту, он не нашел подходящего материала на паруса, употребив что было — лоскутки алого шелка. Ассоль пришла в восхищение. **Пламенный <u>веселый</u> цвет так ярко горел** в ее руке, **как будто она держала огонь**. <…> Отойдя в лес за мостик, по течению ручья, девочка осторожно спустила на воду у самого берега **пленившее ее судно**; паруса тотчас **сверкнули алым отражением** в прозрачной воде; свет, пронизывая материю, лег **дрожащим розовым излучением** на белых камнях дна.

Глава I «Предсказание»

2. … Грэй был **<u>серьезен</u>**, как анатом. Он терпеливо разбирал свертки, откладывал, сдвигал, развертывал и смотрел на свет такое множество алых полос, что прилавок, заваленный ими, **казалось, вспыхнет**. На носок сапога Грэя легла пурпурная волна; на его руках и лице блестел **розовый отсвет**. Роясь в легком сопротивлении шелка, он различал цвета: красный, бледный розовый и розовый темный; густые закипи вишневых, оранжевых и мрачно-рыжих тонов; здесь были оттенки всех сил и значений, различные в своем мнимом родстве, подобно словам: «очаровательно» — «прекрасно» — «великолепно» — «совершенно»; в складках таились намеки, недоступные языку зрения, но **<u>истинный</u> алый цвет** долго не представлялся глазам нашего капитана; что приносил лавочник, было хорошо, но не вызывало ясного и твердого «да». Наконец, один цвет привлек обезоруженное внимание покупателя <…> Этот совершенно **чистый, как алая**

утренняя струя, полный благородного веселья и царственности цвет являлся именно тем **гордым** цветом, какой разыскивал Грэй. В нем не было смешанных оттенков огня, лепестков мака, игры фиолетовых или лиловых намеков; не было также ни синевы, ни тени — **ничего, что вызывает сомнение. Он рдел, как улыбка, <u>прелестью духовного отражения</u>.** Грэй так задумался, что позабыл о хозяине, ожидавшем за его спиной с напряжением охотничьей собаки, сделавшей стойку. Устав ждать, торговец напомнил о себе треском оторванного куска материи.

— Довольно образцов, — сказал Грэй, вставая, — этот шелк я беру.

— Весь кусок? — почтительно сомневаясь, спросил торговец. Но Грэй молча смотрел ему в лоб, отчего хозяин лавки сделался немного развязнее. — В таком случае, сколько метров?

Грэй кивнул, приглашая повременить, и высчитал карандашом на бумаге требуемое количество.

— Две тысячи метров. — Он с сомнением осмотрел полки. — Да, не более двух тысяч метров.

— Две? — сказал хозяин, судорожно подскакивая, как пружинный. — Тысячи? Метров? Прошу вас сесть, капитан. Не желаете-ли взглянуть, капитан, образцы новых материй? Как вам будет угодно. Вот спички, вот прекрасный табак; прошу вас. Две тысячи... две тысячи по... — Он сказал цену, имеющую такое же отношение к настоящей, как клятва к простому «да», но Грэй был доволен, так как не хотел ни в чем торговаться. — Удивительный, наилучший шелк, — продолжал лавочник, — товар вне сравнения, только у меня найдете такой.

Когда он наконец весь изошел восторгом, Грэй договорился с ним о доставке, взяв на свой счет издержки, уплатил по счету и ушел, провожаемый хозяином с почестями китайского короля.

Глава V «Боевые приготовления»

3. Грэй оглянулся, посмотрев вверх; над ним **молча рвались алые паруса; солнце в их швах сияло пурпурным дымом.** «Секрет» шел в море, удаляясь от берега. Не было никаких сомнений в **звонкой душе Грэя** — ни глухих ударов тревоги, ни шума мелких забот; **спокойно, <u>как парус, рвался он к восхитительной цели</u>, полный тех мыслей, которые опережают слова**.

Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такое волнение, такая поголовная смута, какие не уступят эффекту знаменитых землетрясений. Никогда еще большой корабль не подходил к этому берегу; у корабля были те самые паруса, имя которых звучало как издевательство; теперь **они ясно и неопровержимо пылали с невинностью факта, опровергающего все законы бытия и здравого смысла**. <…> Бережно, но со смехом, сам потрясенный и удивленный тем, что наступила невыразимая, недоступная никому драгоценная минута, Грэй поднял за подбородок вверх это **давно-давно пригрезившееся лицо**, и глаза девушки, наконец, ясно раскрылись. **В них было все лучшее человека**.

Глава VII «Алый “Секрет”»

Используя определения термина «символ» и ваши мысли об изменении содержания образа, <u>ответьте письменно на вопрос</u>: «Почему образ «алых парусов» называют символическим?» (Учебник, часть 2, стр. 131, вопрос 18)